

УДК 332.1

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО РЕГИОНОВ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕНТА

^{1,2}Толстогузов О.В.

¹*Институт экономики – обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, e-mail: olvito@mail.ru;*

²*Институт экономики и права ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», Петрозаводск*

В статье анализируется проблема пространственного неравенства и осуществляется попытка объяснить природу разноритмичности развития центра и периферии, порождающей неоднородность экономического пространства, а также связать феномен неравномерности с фундаментальными свойствами экономического пространства. Настоящие исследования проводятся на методологической базе мезоэкономического подхода. Поэтому экономическое пространство представляется как система контрактов и соглашений, посредством которых экономические агенты реализуют имущественные и неимущественные права. При этом основную роль играют синхронизированные коллективные движения агентов. По мере установления коллективных связей и их институционализации структура пространства упорядочивается, создавая центры с повышенной ликвидностью и периферию с недостаточной ликвидностью. Показано, что в отношении периферийных резидентов из-за увеличения транзакционных издержек действует фактор ограничения размеров фирм. Для объяснения дискриминации фирм в отношении категории «экономическая рента» введено по аналогии с земельной рентой «дифференциальная рента первого и второго рода». Изъятие дифференциальной экономической ренты второго рода ограничивает способность территории генерировать стоимость. На основании анализа распределения экономической ренты показано, что если не изменить принципы аллокации экономической ренты и не вернуть в регионы эндогенный источник роста, то вряд ли можно достичь эффективного решения периферийными территориями текущих социально-экономических задач.

Ключевые слова: экономическое пространство, транзакции, транзакционные издержки, отраслевой рынок, экономическая концентрация, дифференциальная экономическая рента

SPATIAL DISPARITY OF REGIONS AND DIFFERENTIATED ECONOMIC RENT

^{1,2}Tolstoguzov O.V.

¹*Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, e-mail: olvito@mail.ru;*

²*Institute of Economics and Law, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Petrozavodsk State University», Petrozavodsk*

The article analyzes the problem of spatial disparity in Russia. The nature of the development of the center and the periphery, which generates heterogeneity of the economic space, is explained, and the phenomenon of unevenness is associated with the fundamental properties of the economic space. Studies are conducted on the methodological basis of the meso-economic approach. The economic space is presented as a system of contracts and agreements which economic agents realize property and non-property rights. Synchronized collective actions of agents play the main role. The establishment of collective ties and their institutionalization regulates the structure of space, creates centers with high liquidity and periphery with insufficient liquidity. It is shown that the transaction costs are increasing for the peripheral residents and the factor of limiting the size of firms is acting. In order to explain the discrimination of firms in the category of «economic rent» introduced by analogy with the land rent «differential rent of the first and second kind». The removal of differentiated rents of the second kind limits the ability of the territory to create value. Based on the analysis of economic rent distribution, it is shown that if the principles of economic rent distribution are not changed and the regions do not return the endogenous source of growth, the peripheral territories will not be able to effectively solve the current socio-economic problems.

Keywords: economic space, transactions, transaction costs, industry market, economic concentration, differential economic rent

В научной литературе все шире анализируется проблема пространственного неравенства в стране, проводятся исследования направлений пространственной реструктуризации [1–3]. В Докладе Всемирного банка [4] под пространственным неравенством понимаются внутрирегиональные и межрегиональные различия ряда статистических показателей (начиная от разницы в валовом региональном продукте и до разницы в доступе домохозяйств к услугам). Устранение

пространственных диспропорций воспринимается как актуальная задача, в которой много невыясненных моментов. В частности, осознается, что необходимо как-то учитывать геоэкономические особенности разных частей пространства.

Цель и методы исследования

В настоящем исследовании осуществляется попытка объяснить природу разноритмичности развития центра и периферии,

порождающей неоднородность экономического пространства, а также связать феномен неравномерности с фундаментальными свойствами экономического пространства. Исследования проводятся на базе мезоэкономического подхода, которую составляют новая институциональная и пространственная экономика, теория организации промышленности. При этом внимание фокусируется на мезоуровне экономических систем, а сама категория «мезоуровень» понимается как занимающая особое место в методологической дискуссии индивидуализма и холизма [5]. В данном контексте суть исследования заключается не в сравнении статистических распределений по величине средних и дисперсии, а в выяснении причин изменений в размещении производительных сил и причинно-следственных связей трансакций – движений в экономическом пространстве.

При обсуждении опирались на анализ региональных статистических данных [6], который показал высокую корреляцию межрегиональной дивергенции с рядом факторов (плотность населения, размер и доступность рынков, структура экономики, концентрация экономической деятельности, монополизация рынков), т.е. с детерминантами, имеющими рыночную основу и являющимися ключевыми в рамках центр-периферийной модели [6, 7]. В то же время сама модель и есть результат действия центростремительных и центробежных сил. Чтобы разобраться с механикой этих сил и объяснить причины структурных сдвигов, воспользовались методом абстрагирования объекта анализа (экономического пространства) до предельной категории. Предполагаем, что характеристики экономического пространства в результате абстрагирования сводятся к одной скалярной величине – ренте.

Результаты исследования и их обсуждение

Для понимания разноритмичности развития центра и периферии рассмотрели в пространственно-временной трактовке процесс превращения «ренты» в «цену производства». Последняя является производной от суммы трансформационных и трансакционных издержек, среднеотраслевой прибыли и барьеров входа на рынок, анализируемых через условия действующих институтов, в том числе контрактов [6, 8].

По нашему мнению, основной вопрос заключается в понимании как осуществления воспроизводства ренты (вследствие масштаба и возрастающей отдачи на межрегиональных отраслевых рынках – важнейшего фактора, ответственного за простран-

ственную дифференциацию экономической активности), так и ее распределения. Феномен возрастающей отдачи от использования ресурсов наблюдается не только в рамках международной торговли (и объясненный в контексте теорий новой торговли и новой географии [9, 10]), но также и в рамках межрегиональной и внутриотраслевой торговли (объясняемый в русле данных теорий).

Первая часть заданного вопроса объясняется организацией и структурой межрегионального отраслевого рынка и градиентами экономической ренты. Вторая часть фокусирует внимание на роли факторов, определяющих геометрию движения капитала, происходящего в виде трансакции, и пространственное распределение экономической ренты.

Геометрическое изложение раскрывает определенные аспекты движения капитала в экономическом пространстве, способствуя в определенной степени познанию и модельному представлению сложившихся экономических отношений. Его корректность ограничена условиями допущения и существования локального равновесия, а также условием значительного превышения характеристик пространственно-временного континуума над размерами флуктуаций категории «рента». В таком случае область пространства (сохраняющая условия локального равновесия) как объект исследования и управления предстаёт как, с одной стороны, открытая система, которая обменивается с другими системами ресурсами (финансовыми, материальными, информационными). С другой стороны, в нашем случае территория (город, регион, страна) в экономическом смысле представляется совокупностью отраслевых межрегиональных рынков с границами, обусловленными геоэкономической конкуренцией и условиями устойчивости локального равновесия «оптимального региона» (в смысле Леша).

Регулятивные причины (механизмы трансакций, создания и распределения ренты) будем искать в природе коллективных действий агентов как явлений экономического пространства. Полагаем (согласно О. Уильямсон [11]), что экономика функционирует как система правил, по которым взаимодействуют экономические агенты, как система контрактов и разного рода соглашений, посредством которых агенты реализуют свои имущественные и неимущественные права. По мере установления коллективных связей и их институционализации структура экономического пространства постепенно упорядочивается. При этом основную роль играют синхронизированные коллективные движения агентов.

«Синхронизация» и «коллективность» их действий определяют эффективность экономического пространства в части получения экономической ренты и осуществления трансакций, а также реализации процесса превращения «ренты» в «цену производства». При этом акценты смещаются с традиционных факторов размещения сначала на инфраструктурные, а затем и на нематериальные (информационные) и институциональные факторы размещения. По мере усиления концентрации и взаимодействий экономических агентов неизбежно добавляются трансакции, которые не обусловлены рациональным выбором или технологической необходимостью. Они возникают в результате географической, институциональной и иной близости. В результате пространственный порядок приобретает определенную форму, образует зоны с разной структурой и упорядоченностью взаимодействий.

Структура цены в действующих контрактах является результатом сложившейся системы прав собственности и трансакционных издержек. В последние включаются издержки, связанные с обеспечением контрактов, внепроизводственные издержки, поддержка исковой силы претензий и т.д. Трансакционные издержки также обусловлены наличием чувствительных административных и экономических барьеров (действий административных территорий, таможенных органов, влияний картельных соглашений, иных кооперативных стратегий компаний), которые создают дополнительные издержки для фирм с недостаточной рыночной властью и периферийных территорий с недостаточным административным ресурсом.

Если фирмы ценят свое будущее, то на рынках чемберлинского типа они начинают принимать согласованные решения (объясняемые в рамках задачи теории игр с установлением равновесия в смысле Нэша). Изменение концентрации экономической деятельности и общей ситуации в отраслевых рынках или секторах экономики происходит путем сговора, установления дружеских связей, приобретения контрольного пакета акций, использования франчайзинга и аутсорсинга, слияния предприятий и т.д. Основное воздействие подобных сделок проявляется в росте количества и размеров фирм и соответствующем усилении экономической концентрации на рынке.

Поскольку фирма выступает в роли структуры, минимизирующей общий уровень трансформационных и трансакционных издержек, то условием расширения ее деятельности является снижение затратно-

сти на осуществление деловых операций. Как только трансакционные издержки фирмы в рамках реализации производственного процесса начинают превышать среднотраслевые затраты на рыночные трансакции, фирма становится неконкурентной. Таков механизм действия фактора ограничения размеров фирм – периферийных резидентов. Менеджмент будет либо сокращать размеры фирмы (оптимизировать систему управления и закрывать нерентабельные направления деятельности), либо менять статус резидента территории или иным образом трансформировать свою институциональную форму. Фирме легче уменьшать издержки, увеличивать масштаб производства, вертикально или горизонтально расширяться в условиях близости (как географической, так и институциональной) с зонами высокой концентрации экономической деятельности и центрами рыночной власти.

Таким образом, на товарных рынках чемберлинского типа вследствие действия экстрактивных рыночных институтов периферийные компании оказываются в условиях дискриминации и вынуждены функционировать по навязанным извне форматам. В итоге, с одной стороны, монополизация ведет к накоплению ликвидности в центре, с другой – экономика сырьевой периферии остается в состоянии инвестиционного голода и невозможности развивать капиталоемкое производство. В результате происходит вытеснение добавленной стоимости и вытягивание обрабатывающей промышленности из периферии в центр.

Кроме того, в условиях низкой концентрации экономической деятельности («разреженного» экономического пространства) трудности в сопряжении разномасштабных и разноритмичных укладов вкупе с институциональной и социальной укорененностью стимулируют дополнительные издержки. При увеличении трансакционных издержек ценность среды в отношении экономической ренты и создания производств с высокой добавленной стоимостью объективно снижается. Поэтому периферия вынуждена изыскивать дополнительные ресурсы, чтобы поддерживать оптимальный режим трансакций. В итоге роль трансакционного сектора излишне повышается, что ведет к недостаточности доходов регионального бюджета.

По вышеназванным причинам происходит отток капитала, остановить который регион теоретически может, если только максимально отработает риски резидентов в части трансакционных издержек, основываясь на понимании их природы

и соответствующего механизма изъятия экономической ренты. Для его объяснения в отношении категории «экономическая рента» уместно применить понятие «дифференциальности» и ввести по аналогии с земельной рентой «дифференциальную ренту первого и второго рода» (далее ДР1 и ДР2).

Причиной дифференциальной экономической ренты является монопольная (олигополюсная) власть, которая проявляется в структуре отраслевых рынков чемберлинского типа с соответствующими установленными правилами торговли. При этом обе формы отличаются по способу распределения и присвоения в соответствии с установленным порядком хозяйствования, действием экстрактивных и инклюзивных политических и рыночных институтов.

ДР1 связана с естественными различиями экономического потенциала территорий, с более высоким экономическим потенциалом территории и соответствующей архитектурой экономического пространства. Рента (за минусом издержек) переходит в руки реального собственника в соответствии с сформировавшимся портфелем имущественных прав и действием экстрактивных и инклюзивных политических институтов (согласно работе [12]).

Экстрактивные институты способствуют концентрации власти в центрах и не ограничивают ее в том, как и на что эта власть может употребляться. В свою очередь, центр формирует международную и межрегиональную торговлю и конструирует экстрактивные рыночные институты, которые позволяют ему откачивать экономическую ренту из периферии. Он создает административные и экономические барьеры и ограничивает круг бенефициаров рыночной экономики узким кругом субъектов, которые в целом поддерживают «экспроприацию» ренты у периферийных субъектов. Инклюзивные (распределяющие власть по политическим субъектам) политические институты будут неизбежно разрушать основу таких экономических институтов [12]. Кроме того, для эффективного развития должны использоваться переходные институты и функционировать смешанная система институтов [13].

ДР2 возникает при различной производительности добавочных вложений капитала (инвестиций) и иных транзакциях, способствующих увеличению экономической ренты. Она распределяется в соответствии со структурой рынка, экзогенных правил торговли, сформированных под действием экстрактивных и инклюзивных рыночных институтов.

Развитие экономической системы во многом определяется ее способностью генерировать самовозрастание стоимости (привлекать финансовые ресурсы). В этом и заключается суть механики ДР2. Изъятие ренты имеет следствием отсутствие такового генератора и, соответственно, снижение ликвидности в периферии при повышении ликвидности в центре.

С одной стороны, ДР2 как бы предполагает интенсивное ведение хозяйства, дополнительное вложение капитала, инвестиции в новое производство. Вследствие этого можно ожидать рост экономики, увеличение экономической ренты, прибыли предприятий, регионального бюджета. С другой стороны, монополия (в общем случае аффилированные структуры) через действие экстрактивных рыночных институтов изымает дополнительный прирост ренты. Кто сегодня сможет помешать такому монополисту, как РЖД, поднять тарифы, олигополисту занижать цену на поставку сырья, аффилированным группам «оптимизировать» издержки и «офшоризировать» прибыль (в ущерб периферии)?

Поэтому для справедливого распределения экономической ренты необходимо стимулировать развитие инклюзивных институтов (как политических, так и рыночных). Это возможно, если будет поставлена цель – защита национальных (в том числе и региональных интересов) в контексте национальной безопасности, а в повестку региональной политики реально войдет задача конвергенции развития различных частей экономического пространства, субъектов РФ. По нашему мнению, развитие всего экономического пространства страны (а не только мегаполисов и крупных корпораций) как раз и должно быть целью пространственного развития страны.

Сегодня институциональное установление на рынках чемберлинского типа определенного порядка присвоения имущественных прав и соответствующее присвоение монополюсной прибыли и утекающей из периферии в центры с рыночной властью, является важнейшей причиной того, что периферия экономического пространства оказывается в условиях дискриминации. Поэтому концентрация рыночной власти требует пристального внимания государственных органов, поскольку усиление данного фактора является предпосылкой для искажения механизма ценообразования на отраслевых рынках и изъятия ДР2. Полагаем, что устойчивое повышение концентрации и несправедливое распределение экономической ренты является основанием для внедрения элементов диктаторской политики.

В то же время в качестве регулятора на рынках несовершенной конкуренции (чемберлинского типа) государственная политика сама по себе плохо определена. В нашей стране она ограничивается только установленными нормами антимонопольного законодательства и некоторыми формами рыночного регулирования (налоги и субсидии, стандарты минимума качества и т.п.). Другие инструменты, такие как цены, вход на рынок или экономическое регулирование на уровне контрактов фирм и институциональных соглашений (например, институт лицензирования и другие инструменты аллокационной политики государства), используются явно недостаточно [6].

В результате поляризационного развития появляются высокооплачиваемый (по величине присваиваемой ренты) промышленный центр и низкооплачиваемая периферия (где ДР2 снижается до нуля). Анализ структурных изменений в экономике регионов [6, 7] и действующей контрактной системы позволил сделать выводы о распределении экономической ренты, точнее о «несправедливости» пространственной аллокации ренты. Итог – переход периферийных регионов в разряд депрессивных.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, с одной стороны, территории с природными ресурсами при благоприятных условиях, обеспечивающих высокий рыночный потенциал и ДР1, притягивают экономическую активность. С другой стороны – будем считать справедливым утверждение, что развитие региональных и межрегиональных отраслевых рынков дифференцированных продуктов и возрастающая отдача от ресурсов являются альтернативным объяснением региональной специализации по отношению к фактору запаса ресурсов (обеспечивающей производство ДР2). Поэтому в сегодняшнюю повестку дня, как экономистов, так и практиков-политиков, все более включается понятие «справедливости».

Полагаем, что социальная справедливость (если речь идет о социальном государстве) должна соблюдаться, причем не только в крупных агломерациях, но и в периферии, которая испытывает двойной пресс пространственной трансформации и рыночной дискриминации. Данные обстоятельства предопределяют протекционизм в отношении периферийных территорий как политику правильных стимулов и соответствующей институциональной среды, направленных на стимулирование промышленной и инновационной деятельности.

При этом программа промышленного развития должна быть подкреплена не субсидарной, а солидарной ответственностью центра и периферии и действительной конвергенцией экзогенных и эндогенных правил торговли и формированием контрактной системы, имеющей реальную искомую силу при защите интересов региона. При этом речь идет не столько о предпочтениях, сколько о сочетании рыночных механизмов со стратегическим и государственным программированием, широком применении различных форм частно-государственного партнерства при реализации приоритетных направлений долгосрочного развития экономики, развитии механизмов финансирования и усилении государственной поддержки резидентных компаний периферии с целью увеличения их инвестиционной и инновационной активности.

Финансовое обеспечение осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского НЦ РАН № АААА-А16-116122810228-6.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5279> (дата обращения: 06.08.2018).
2. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
3. Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2018. № 5. С. 158–178.
4. Rolling back Russia's spatial disparities. Re-assembling the Soviet Jigsaw under a Market Economy. The World Bank, The World Bank Group, 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBRollingbackPUBLIC.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 06.08.2018).
5. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 3. С. 6–23.
6. Толстогузов О.В. Трансформация экономического пространства и структура экономики региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5279> (дата обращения: 06.08.2018).
7. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
8. Толстогузов О.В. Аллокация экономической ренты как антисоциальный фактор // Экономическая наука и социальное государство / Отв. ред. О.А. Александрова; ред.-сост. Ю.С. Ненахова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. С. 125–134.
9. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and international Trade. Cambridge, Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology Press, 1999. 367 p.
10. Krugman P.R. Development, Geography and Economy Theory. Cambridge, Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology Press, 1995. 117 p.
11. Уильямсон О.И. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации // Уроки организации бизнеса. СПб.: Лениздат, 1994. С. 51–63.
12. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.
13. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56.